

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Платоновой Натальи Вячеславовны на тему: «Материально-правовое значение процессуального поведения лица, участвующего в деле», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Актуальность темы диссертационного исследования Платоновой Н.В. вызвана тем, что, по общему правилу, будучи юридическими фактами процессуального права, действия, совершённые спорящими перед лицом суда, не способны породить какие-либо иные, нежели процессуальные, последствия; в свою очередь, основаниями возникновения гражданских отношений являются юридические факты материального права, к которым, в числе прочих, относятся различные действия субъектов права. Постановка вопроса о материально-правовом значении процессуальных действий является оригинальной, поскольку нераспорядительные процессуальные акты к основаниям возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений обыкновенно не причисляются (с.4 диссертации). Но приходится констатировать наличие ряда законодательных конструкций, ставящих наступление материально-правовых последствий в зависимость от совершения процессуального действия, а также судебной практики, коей констатируется наличие гражданско-правовых последствий процессуального поведения участников судебного разбирательства. Это и предопределяет постановку вопроса о существовании в российском праве материально-правового эффекта процессуальной деятельности лиц, участвующих в деле (с.5 диссертации), свидетельствующего об актуальности темы исследования, и открывающего фактически новую область познания в гражданском процессуальном праве.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Проблематика материально-правового значения процессуальных действий исследуется в науке (см.: Двуречинский Д.В. Влияние института гражданско-правовых сделок на процессуальные действия и соглашения теоретические проблемы: автореф. дис. ...к.ю.н. Екатеринбург, 2023; Юдин А.В. «Улики поведения» в гражданском и арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2016. №4. С.12-32; Юдин А.В. Процессуальное измерение категории натуральных обязательств (*obligatio naturalis*) (монография) // Судебная защита: новеллы и традиции в теории, законодательстве и правоприменении: монография / под общ. ред. Л.В.Тумановой. М.: Проспект, 2021. С.100-107 и др.), но недостаточно активно. В этой связи степень разработанности в научной литературе затрагиваемых диссертанткой проблем можно охарактеризовать как низкую.

Научная новизна исследования состоит в комплексном исследовании на основе законодательства и правоприменительной практики проблематики материально-правового значения процессуального действия лица, участвующего в деле, а именно, вопросов возможности совершения гражданско-правовой сделки посредством нераспорядительного процессуального действия; существования права на возмещение вреда, причинённого процессуальным действием лица, участвующего в деле; содержания и свойства гражданского правоотношения, возникающего по поводу обязанности стороны совершить процессуальное действие (с.8 диссертации).

Основные положения работы.

Большинство выводов диссертанта могут быть поддержаны, они обладают научной новизной и развивают существующие представления о нормах и институтах гражданского процессуального права.

Так, наличие у процессуальных действий свойств окончательности, способности влиять на решение суда, вкупе с тем, что они совершаются на основе принципа самоответственности - с большей обдуманностью и

серьёзностью, чем действия внепроцессуальные, и нацелены на победу в споре - позволяет согласиться с диссертантом в том, что процессуальные действия могут считаться направленными на установление, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей, то есть признаваться гражданско-правовой сделкой (с.11 диссертации).

Содержание гражданско-правового обязательства, действительно, как доказано диссертантом, может составлять обязанность совершить процессуальное действие и корреспондирующее ей право требования управомоченного лица (с.12 диссертации).

Диссертанта отличает умение постановки и разрешения спорного вопроса, обозначения проблемы, столкновения мнений.

Например, автор пишет, что логическим продолжением тезиса о вторичности процесса относительно материальных прав является вывод, что и все процессуальные действия имеют побочный, обслуживающий характер. Собственно, если процесс в целом своим назначением имеет охрану материальных прав, иного значения и последствий иметь не может, то и каждое отдельное процессуальное действие способно лишь поспособствовать реализации спорного субъективного права, оно связано с защищаемым правом и им обусловлено. В конечном счёте, приведённая позиция означает, что у отдельного процессуального действия отсутствует непосредственное экономическое значение (с.15 диссертации). Между тем, ряд положений гражданского материального закона, а также позиций судебной арбитражной практики заставляют нас поставить под сомнение вышеуказанный тезис.

Можно поддержать и многие другие суждения автора.

Так, например, диссертантом предлагается понятие материального эффекта процессуального действия, основанное на принципиальном существовании процессуальных действий, в совершении которых обнаруживается материально-правовая цель. Такие действия участников спора, сохраняя своё значение для развития процесса, порождают последствия в области материальных гражданских прав, и непосредственно

воздействует на движение гражданско-правового отношения (с.23-24 диссертации).

Отнесение процессуальных действий к юридическим фактам материального права (с.25-26) не вызывает сомнения – достаточно вспомнить дискуссию о природе судебного решения, причисляемого разными авторами к юридическим фактам материального и/или процессуального права.

Следует согласиться с диссертантом и в вопросе о том, что именно на праве стороны до и вне процесса определять дальнейшую судьбу своих прав и имущества основано процессуальное господство стороны над фактическим и доказательственным материалом; если процессуальные возможности сторон проистекают из принадлежащих им частных прав, то и все процессуальные действия являются продолжением частной автономии субъектов гражданско-правовых отношений; всякое процессуальное действие аналогично действию, совершаемому до и вне процесса, и потому способно изменить материально-правовое положение участников спора (с.29-30 диссертации).

Закономерным выглядит и обращение диссертанта к вопросам признания факта (с.35 диссертации).

Можно отметить точность и наглядность приводимых автором диссертации примеров – взятых как из реальной судебной практики, так и смоделированных им самим для целей большей наглядности излагаемых в работе идей (см. например с.39-40,46-47 диссертации и др.).

Вполне логичным выглядит обращение автора к вопросу о возможности процессуального действия выступить основанием для возникновения деликтного обязательства (с.43 диссертации) – вопросу, на первый взгляд, парадоксальному.

Оценка субъективного права, с позиций рыночной стоимости, на примере права, для защиты которого вот-вот истечёт срок давности, и оно будет обладать меньшей рыночной стоимостью, нежели такое же право, но уже предъявленное к судебной защите, представляется вполне достоверной,

как и последующий тезис: вчинение иска, таким образом, приведёт к прямому экономическому эффекту - увеличению стоимости имущества истца (с.46,127-128 диссертации).

Возможность включения факта предъявления иска в объективную сторону состава преступления, доказываемая диссертантом на с.53 диссертации, никогда не подвергалась сомнению (см. например: Юдин А.В. Гражданские процессуальные (арбитражные процессуальные) юридические факты в составе объективной стороны состава ряда преступлений в сфере экономики // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права: межвуз. сб. науч. тр. / под общ. ред. А.Г. Безверхова. - Самара: Издательство "Самарский университет", 2013. - Вып. 2. - С. 277 – 293; 268; Юдин А.В. Юридические факты процессуального права, включаемые в комплексные фактические составы непроцессуального характера // Профессор Владимир Владимирович Ярков. Жизнь – в процессе. Факты и иллюстрации : Liber amicorum : к 65-летию. М.: Статут, 2024. С.308-316 и др.).

Равно как и не может быть поставлена под сомнение возможность возмещения убытков или вреда от предъявления иска, на что неоднократно указывалось в литературе дореволюционного, советского и современного периода (см. например: Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. М.: Изд. Башмаковы, 1915. Т.1; Зайцев И. М. Проблемы борьбы с сутяжничеством в арбитраже // Проблемы борьбы с правонарушениями, причиняющими ущерб экономике: Материалы республиканской экономико-правовой научной конференции. Донецк, 1972; Аболонин В.О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии: Дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008 и др.).

Полностью разделяем мнение автора относительно того, что в определённых случаях процессуальные действия совершаются вовсе не для познания истины, а ради создания, изменения или прекращения

материальных прав, либо производят этот эффект независимо от наличия такой цели у участника процесса (с.56 диссертации).

Закономерен и итоговый вывод, приводимый в третьей главе исследования: процессуальное действие может быть направлено как на достижение сугубо процессуальных результатов, так и на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В последнем случае оно является гражданско-правовой сделкой. Данная идея соотносится и с цивилистическими представлениями о сделке как выраженного вонне намерения породить, изменить или прекратить гражданские права и обязанности, и со взглядами на свойства самих процессуальных действий. В свою очередь выработанные в процессуальной науке подходы к чертам цивилистического процесса, его целям и назначению, равно как и представления об особом характере процессуального действия, не входят в противоречие с данным выводом и не являются сколь-нибудь весомым аргументом против «эффекта сделки» (с.109 диссертации).

Важными представляются рассуждения диссертанта о форме процессуального действия как сделки (с.110 и последующие диссертации).

Полагаем, что достоверными и научно-обоснованными должны быть признаны выводы, сделанные в 4-ой и 5-ой главах исследования

В целом, содержание диссертации Платоновой Н.В. показывает, что автор провел серьезное, самостоятельное исследование актуальной и важной темы, сделав обоснованные выводы и предложения по совершенствованию процессуального законодательства.

Можно отметить следующие положительные моменты:

Выводы, сформулированные автором в качестве положений, выносимых на защиту, представляются достоверными, обоснованными и аргументированными как с теоретических, так и с практических позиций.

Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации, отражая основные положения и выводы автора.

Публикации автора полно отражают основные положения диссертации.

Вместе с тем, некоторые положения и выводы диссертанта нуждаются в дополнительном пояснении.

1. Рассуждая о взаимовлиянии фактов материального и процессуального права, диссертант указывает, что «обратная» ситуация, когда процессуальный юридический факт влечёт материально-правовые последствия, в этих работах практически не исследуется» (с.41 диссертации).

Однако не вытекает ли с очевидностью такое влияние из закона? Например, на основании пункта 2 статьи 199 ГК РФ, исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. Истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

То есть «нераспорядительное» процессуальное действие влечет конкретные материально-правовые последствия; не будь оно совершено, сопутствующие материально-правовые последствия не наступили бы.

Или, согласно статьи 303 ГК РФ, при истребовании имущества из чужого незаконного владения собственник вправе также потребовать от лица, которое знало или должно было знать, что его владение незаконно (недобросовестный владелец), возврата или возмещения всех доходов, которые это лицо извлекло или должно было извлечь за все время владения; от добросовестного владельца возврата или возмещения всех доходов, которые он извлек или должен был извлечь со времени, когда он узнал или должен был узнать о неправомерности владения или получил повестку по иску собственника о возврате имущества.

И в данном случае «нераспорядительное» процессуальное действие (получение повестки по иску собственника о возврате имущества) влечет конкретные материально-правовые последствия.

2. Также, поддерживая вывод диссертанта о процессуальном действии как сделке, заметим, что указанный вывод под сомнение в судебной практике не ставится. Например, на основании пункта 1 Постановления Пленума ВАС

РФ от 23.12.2010 N 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"», «в силу пункта 3 статьи 61.1 Закона о банкротстве (в редакции Федерального закона от 28.04.2009 N 73-ФЗ) под сделками, которые могут оспариваться по правилам главы III.1 этого Закона, понимаются в том числе действия, направленные на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с гражданским, трудовым, семейным законодательством, законодательством о налогах и сборах, таможенным законодательством Российской Федерации, процессуальным законодательством Российской Федерации и другими отраслями законодательства Российской Федерации, а также действия, совершенные во исполнение судебных актов или правовых актов иных органов государственной власти».

Возможность оспаривания таких актов не является ли достаточным доводом в пользу сделочной природы процессуальных актов?

3. Диссертант приходит к выводу, включая его также в положения, выносимые на защиту: действие участника процесса, даже если оно совершено в полном соответствии с требованиями процессуального закона, способно являться противоправным с точки зрения норм материального гражданского права (с.11-12 диссертации).

Но не вытекает ли с очевидностью данный вывод из многих положений процессуального закона? Например, статья 146 ГПК РФ и статья 98 АПК РФ (которая также анализируется диссертантом) прямо допускают возможность возмещения убытков (а в арбитражном процессе и компенсации) в связи с совершенными процессуальными действиями. Тот факт, что имело место процессуальное действие, никак не влияет на освобождение нарушителя от ответственности.

Вероятно, что в разные моменты развития отношений одни и те же юридические факты получают различную оценку, в том числе в разных отраслях права. Например, обращение в орган власти может составлять действие, влекущее возникновение административно-правового отношения;

может повлечь обязанность автора обращения возместить причиненные убытки и моральный вред (пункт 9 статьи 152 ГК РФ); может составлять административный деликт в виде оскорбления (статья 5.61 КоАП); а может обусловить привлечение автора обращения к уголовной ответственности за клевету (статья 128.1 УК РФ). Столь многозначным с точки зрения вызываемых последствий может являться и процессуальное действие.

4. На страницах работы диссертант дважды обращается к следующему смоделированному им примеру: истец предъявил требование к ответчику, в действительности не являвшемуся стороной спорного материального отношения. Ответчик не заявил о том, что он ненадлежащий, и вёл дело так, будто является надлежащей стороной. И только когда истёк десятилетний срок исковой давности по требованию истца к действительному должнику, участвующий в деле ответчик решил заявить возражение о ненадлежащей стороне (с.117-118 диссертации).

На основе данного примера делается вывод, что вследствие действий ответчика истец лишился возможности принудительно реализовать принадлежащее ему право требования, а значит, было затронуто его материальное право (правомочие) на защиту.

Как уже отмечалось, сама возможность возмещения убытков (вреда) в связи с совершенными процессуальными действиями представляется нам полностью обоснованной, однако это не означает освобождение потерпевшего от доказывания всех традиционно принятых элементов возникновения обязанности по возмещению убытков (или деликтного обязательства), в том числе причинно-следственной связи и действий (бездействия), служащих достаточным основанием для наступления негативных последствий.

В смоделированной ситуации, как представляется, для поддержания градуса научной дискуссии сделано два допущения, отчасти снижающих ее научную и практическую ценность: во-первых, вряд ли истец будет терять десять лет в бесплодных спорах с ненадлежащим ответчиком, пока наконец

(по истечении этого срока) не откроется, что существует другой надлежащий ответчик; во-вторых, упомянутый механизм причинно-следственной связи в данном примере выражен настолько слабо, что позволит суду сразу отклонить претензии истца к ненадлежащему ответчику за избранную им линию поведения. Явно, что истец несет ответственность за выбор ответчика, за избранные им способы и формы защиты права. Он имел возможность привлечения надлежащего ответчика в качестве соответчика, инициирования самостоятельного иска к надлежащему ответчику и пр. Можно с уверенностью утверждать, что требования об убытках (или о возмещении вреда) к ненадлежащему ответчику будут купированы ссылкой на то, что он не отвечает за исполнение обязательств надлежащим ответчиком; его поведение не является достаточной и необходимой причиной невозможности получения истцом удовлетворения своих притязаний от надлежащего ответчика.

Кроме того, если подходить к оценке поведения субъектов данной ситуации с меркой обязательственных или деликтных конструкций, то разве нельзя усмотреть здесь в поведении самого кредитора или потерпевшего, соответственно, содействие увеличению размера убытков и непринятие разумных мер к их уменьшению (статья 404 ГК РФ), либо содействие увеличению размера вреда (статья 1083 ГК РФ)? Неведение истца в приведенном примере граничит с наивностью, позволяет подозревать за ним нарочитый поиск виноватых в сложившемся положении, тогда как виноватым является он сам.

Высказанные замечания и поставленные вопросы носят дискуссионный характер, и не колеблют общей положительной оценки диссертационного исследования Платоновой Н.В.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Платоновой Натальи Вячеславовны на тему: «Материально-правовое значение процессуального поведения

лица, участвующего в деле» соответствует специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития науки гражданского процессуального права.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского процессуального и
предпринимательского права

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва»

Юдин Андрей Владимирович

«13» января 2025 г.

Подпись <u>Иудина А.В.</u>	удостоверяю
Начальник отдела сопровождения деятельности	
ученых советов Самарского университета	
<u>Бояркина</u>	Бояркина У.В.
« 13 » января	20 25 г.

